

Языковая личность князя Б. И. Куракина и мотивированность лексических заимствований (на материале историко-биографической прозы)

М. Б. ЯСИНСКАЯ

(МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)*

В статье рассматривается проблема мотивированности употребления лексических заимствований в Петровскую эпоху на материале историко-биографических сочинений князя Б. И. Куракина.

Ключевые слова: лексические заимствования, «языковое существование», языковая личность, языковое сознание, языковая стратегия, речевая деятельность.

The Linguistic Personality of Prince B. I. Kurakin and the Motivation of Lexical Borrowings (Using Historical and Biographical Prose)

M. B. IASINSKAIA

(MOSCOW UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES)

This article covers the motivation problem of use of lexical borrowings in the Peter the Great epoch taking Prince B. I. Kurakin's historical and biographical works as a source.

Keywords: lexical borrowings, «linguistic existence», linguistic personality, linguistic consciousness, linguistic strategy, speech activity.

В истории России пограничной эпохой была эпоха Петра I, отмеченная переходом от конфессиональной культуры к секулярной, что выразилось в конкурентном существовании церковных и светских текстов, а также в движении от традиционного церковнославянского языка к русскому языку нового типа (Живов, 1996). Сопутствующая этому процессу смена культурно-языковых образцов проявилась в отстранении конфессионально мотивированной идеи греко-славянского единения, маркером которого было функциональное тождество классических языков (греческий = церковнославянский язык), и последующей передаче секулярно мотивированной идеи европейского единения, отмеченного стремлением к достижению функционального тождества новых «простых» европейских языков (французский, немецкий... = русский язык) (Запольская, 2002: 422–423). Реализуемая в столь сложных условиях книжно-языко-

вая деятельность осуществлялась прежде всего «единственным в своем роде поколением, подобным Янусу с двумя лицами: одно обращенное в прошлое, другое в будущее» (Хютль-Фольтер, 1987: 8), поскольку представители этого поколения получали как традиционное духовное образование, так и новое европейское светское образование. Такая культурно-языковая двойственность «поколения Януса» делает естественным использование иноязычной лексики в текстах Петровской эпохи. К «поколению Януса» принадлежал и князь Борис Иванович Куракин, чья литературно-языковая деятельность до сих пор вызывает научный интерес.

Куракин Борис Иванович (1676–1727) — представитель древнего русского княжеского рода, ведущего начало от Гедиминовичей. Большую часть жизни князь Б. И. Куракин прожил за границей (в Италии, Германии, Франции, Нидерландах); был одним из образованнейших людей своего времени, блестя-

* Ясинская Милена Борисовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры филологических дисциплин Московского гуманитарного университета. Тел.: +7 (499) 374-60-11. Эл. адрес: yassinska@gmail.com

ще владел иностранными языками (французским, немецким, итальянским, голландским, английским, польским).

Князь Б. И. Куракин оставил путевые записки и автобиографию, доведенную до 1709 г., и составил подробный план для истории России, по которому успел написать лишь «Историю о царе Петре Алексеевиче. 1682–1694», где дал полную волю своим боярским настроениям. Сочинения Куракина, написанные характерным языком Петровского времени, изданы в первых томах «Архива князя Куракина»¹.

В свете парадигмы когнитивного языкознания представляется заслуживающим внимания рассмотрение «языкового существования» (Гаспаров, 1996: 5) языковой личности (далее — ЯЛ) князя Б. И. Куракина. Под «языковым существованием» мы вслед за Б. М. Гаспаровым понимаем процесс взаимодействия личности с языком, в котором «язык выступает одновременно и как объект, над которым говорящий постоянно работает, приспособлявая его к задачам, возникающим в его текущем жизненном опыте, и как среда, в которую этот опыт оказывается погружен и в окружении которой он совершается» (Гаспаров, 1996: 5).

Лексические заимствования (далее — ЛЗ) в языковом существовании князя Б. И. Куракина мы рассматриваем как своего рода языковую стратегию, в основе которой лежит положение о мотивированности ЛЗ как средства сознательного сужения/расширения лексического значения и ассоциативных полей и образов русского менталитета.

Все поступающие извне языковые впечатления органически вырастают в языковой мир личности, они трансформируются, окрашиваются по-другому, особым образом фокусируются в языковом мире данного человека; но и сами вновь полученные впечатления, в свою очередь, воздействуют на личностную среду: «Личность не есть остров; каждый существует в ткани взаимоотношений... Личность располагается в точке, через которую проходят всевозможные виды сообщений» (Лиотар, цит. по: Гаспаров, 1996: 15).

Традиционно книжную деятельность князя Б. И. Куракина рассматривали с пуристских позиций (злоупотребление иноязычной лексикой): ср., например, высказывание В. В. Виноградова: «Известно также, что некоторые из европеизировавшихся дворян того времени почти теряли способность правильного, нормального употребления русского языка, вырабатывая какой-то смешной жаргон, таков, например, язык князя Б. И. Куракина, автора «Истории царя Петра Алексеевича» (Виноградов, 1938: 60). Л. А. Булаховский называл князя Б. И. Куракина «варваризатором» языка (Булаховский, 1953: 33). Как отмечает современный исследователь Петровской эпохи Е. В. Анисимов, князь Б. И. Куракин, проживший длительное время за границей и впитавший культуру иного мира с его стереотипами, не может обойтись без иностранной лексики и не находит ей адекватного выражения в русском языке (Анисимов, 1993: 55).

Принимая во внимание обе точки зрения, мы полагаем, что, с одной стороны, для узуса современников князя Б. И. Куракина были понятны многочисленные ЛЗ в его сочинениях (интересно, на наш взгляд, высказывание Р. Якобсона: «...даже если нам в обычном тексте встречается совершенно незнакомое слово, мы а priori не считаем, что это слово лишено смысла...» (Якобсон, 1985: 60–61), которые были ориентированы на пресуппозицию конкретного социального слоя, которому, безусловно, были хорошо известны многие европейские языки. С другой стороны, возникает вопрос: **не являются ли многочисленные ЛЗ мотивированными** (предпочтение личностью тех или иных языковых единиц: строго определенные границы могут существовать только в индивидуальном сознании (Карцевский, 2000: 225) **и сознательно выбранными языковыми элементами, присущими лишь многоязычному языковому сознанию?**

В доказательство выдвинутого предположения обратимся к трем произведениям историко-биографической прозы князя

Б. И. Куракина «Гистория о царе Петре Алексеевиче. 1682–1694» (далее — ГПА) (Архив кн. Ф. А. Куракина, 1890, кн. 1: 105–147), «Жизнь князя Бориса Ивановича Куракина им самим описанная. 1676–1709» (далее — ЖК) (Архив кн. Ф. А. Куракина, 1890, кн. 1: 241–287), «Дневник и путевые заметки князя Бориса Ивановича Куракина. 1705–1710» (далее — ДПЗ) (Архив кн. Ф. А. Куракина, 1893, кн. 3: 301–314). Для понимания языковой стратегии автора вышеуказанных произведений важно отметить, на наш взгляд, и жанровую особенность: дневник, автобиография, неоконченная история по своей природе автокоммуникативны, рассчитаны на внутреннее «потребление», «секретны» для окружающих. В воспоминаниях автокоммуникативность размыта, сфера ее действия ограничена: она присутствует только в тех случаях, когда речь идет об «уяснении внутреннего состояния пишущего», которое «без записи не происходит» (Лотман, 1973: 238). Например, «К сему ж объявляю: замкнул в сердце моем, политически проходить, искать каких себе добрых способов, видя как и другие, и положился в волю Создателя моего и Ее заступления — те мя да управят и произведут. Так для тезоименства своего был печален, что стоя во церкви братцкой ранней обедни, не мог удержаться воспоминания злости дней моего жития» (ЖК: Архив кн. Ф. А. Куракина, 1890, кн. 1: 287).

В художественном тексте проблема «автора» неотделима от языкового выражения, а образ автора — от «формы словесного построения» (Виноградов, 1971: 189), от того, как автор преодолевает в своем творчестве «сопротивление старых литературных форм, навыков и традиций» (Бахтин, 1979: 170). В таком преодолении — залог индивидуального стиля. Причем этот стиль является зачастую не только «вопросом техники», но и «видения вещей», а словесное построение — не просто специфическим оборотом речи, но и способом оформления субстанции содержания (Ельмслев, 1960: 305–318), по которому можно судить о концептуализа-

ции действительности в данной художественной системе.

Академик В. В. Виноградов считал, что стиль — это сам человек, его неповторимая индивидуальность. Соответствующее понимание или определение стиля сложилось в эпоху обоснования прав личности как в общественной жизни, так и в сфере субъективного творчества» (Виноградов, 1971: 118). Характерным стилем отличается и языковое творчество кн. Б. И. Куракина. Особенность языковой установки мы видим в предпочтении автором ЛЗ русским соответствиям.

По интенсивности и размаху мемуарно-исторических занятий кн. Куракин не имел себе равных в первой половине XVIII в. в России и за рубежом (Антюхов, 2003: 13). Б. И. Куракин писал о причине создания автобиографии: «Сподеваюся, читающего сие мое описание от самага меня и моего жития будет заирать на то что так описал, и буду писать. И то зазрение, не думаю, от каждой нации или народу, сподаваюся токмо от наших, русскаго народу, а не от других европских, понеже те обычайны в таких письмах. Для того и я не от себя самага то учинилъ, но ведавъ обычай всех, как вышших, так и средних и самых шляхетных персон, которья описывают свой живот, понеже и я тому последствовал» (ЖК: Архив кн. Ф. А. Куракина, 1890, кн. 1: 244).

В данной статье описание ЯЛ основывается на анализе лексико-семантического уровня ЛЗ, так как именно ЛЗ и его значение / значения оказываются напрямую связанными с «вещной реальностью», с предметами и понятиями, структурирующими языковую картину мира личности (В. В. Виноградов, Д. Н. Шмелев и др.). Данный уровень ЛЗ наиболее репрезентативен, однако его анализ сопряжен с определенными трудностями, поскольку в современной лингвистике сосуществуют различные подходы к описанию лексического значения.

Под лексическим значением слова мы понимаем сложную избыточную структуру, состоящую из денотативного содержа-

ния (включающего ядро и периферию) и коннотативного окружения (Склярская, 1993: 15).

Задача исследования — описать ЛЗ в языке князя Б. И. Куракина как мотивированные языковые единицы. «Возможность такого описания допускается уже потому, что само признание некоего языкового элемента заимствованием предполагает существование его прототипа в иной языковой системе и осознание связи между данными единицами со стороны носителей принимающего языка» (Казменова, 2003: 72). *Мотивированность* в трактовке С. И. Карцевского понимается как предпочтение тех или иных языковых единиц; строго определенные границы могут существовать только в индивидуальном сознании: для кого-то слова *мепризировать* или *магнификация* (*магнифициция*), *авантажы* ближе, чем слова *презирать*, *пренебрегать* или *великолепие*, *пышность*, *роскошь* и *выгода*, *польза*, *интерес*; *превосходство*, *преимущество*. Например, «Сия смерть принесла падение Льва Нарышкина, понеже он от его царского величества всегда был *мепризирован* (*презираем*, *пренебрегаем*) и принять за человека глупаго» (ГПА: Архив кн. Ф. А. Куракина, 1890, кн. 1: 115); «Правдаж не надобно забыть описать о техъ экзерцияхъ, что были великой *магнификации* (*великолепии*, *пышности*, *роскоши*) и назвать надобно, что забавы императора и государя великаго и нечто являлося из того великаго» (там же: 123); «*Магнифициция* (*великолепие*, *пышность*, *роскошь*) жития его (Меньшикова) описана будет ниже, и все *авантажы* (*выгоды*, *польза*, *интересы*; *превосходства*, *преимущества*) и при полки счастливые и не счастливые» (там же: 125).

Воспроизведение иноязычного заимствованного материала допускает более или менее значительные отступления от него. Семантические отступления от иноязычного прототипа чаще связаны с особенностями контекста, его ограничивающей (уточняющей) функцией. Формальные отступления обусловлены различиями фонетических сис-

тем взаимодействующих языков. Например, ЛЗ *естима* — *естиме* — *остима* и дериват *эстимовать* (фр. *estime* — ‘уважение’, ‘почет’, ‘почтение’) в языке князя Б. И. Куракина трансформируется в варианты в зависимости от контекста: ср.: «Тот вышепомянутой Муленес поп светской, был человек ученой, *естиму* великую имель от всех наиперших персон в Риме и являлся за святаго» (ДПЗ: Архив кн. Ф. А. Куракина, 1893, кн. 3: 311); «И помянутой Долгорукой при дворе французском во всяком безчестии пребыл и худой *естиме*, понеже явно торговал соболями и протчими товары и о всех его делех есть во Франции напечатанная книга» (ГПА: Архив кн. Ф. А. Куракина, 1890, кн. 1: 134); «И с того года, в нашем том всем сиротстве, не оставила нас и дом наш бабка наша, княгиня Ульяна Ивановна Одоевская, супруга князя Алексея Никитича — сына князя Никиты Ивановича Одоевскаго, а мать — нашей матери, княгини Федосьи Алексеевны. Могу об ней описать, что оная жена была великаго ума и набожная, и в *остиме* от всех» (ЖК: Архив кн. Ф. А. Куракина, 1890, кн. 1: 246).

Исследование семантической адаптации заимствований обычно осуществляется в русле одного из двух подходов, различия между которыми обусловлены разными представлениями об иноязычном прототипе.

Во-первых, прототипом признается слово как совокупность всех его значений, или лексема. Соответственно и заимствование с этих позиций рассматривается как сформированная в той или иной степени лексема.

Сопоставление заимствований и прототипов выявляет различие в системах значений. Отмечается, что заимствованию свойственно сужение семантической структуры прототипа: «...заимствованные слова часто характеризуются смысловой одноплановостью, однозначностью. Они склонны к терминологизации, т. е. выступают в заимствующем языке как прямые знаки известных предметов и понятий. Вовлекаясь в орбиту другого языка, они отрешаются от того широкого круга разнообразных значений, который присущ им в языке-источнике, оказы-

ваются лишенными «внутренней формы», уединяются в одном особом специфическом значении» (Сорокин, 1965: 59). Например, ЛЗ авантюра (фр. *aventure* — ‘приключение’, ‘похождение’, ‘рискованное предприятие’) семантически сужается в контексте: «И одна *авантюра* курьезная сделалась: помянутой Артамон Матвеев посылал одного (из) своих знакомцев к Ивану Милославскому говорить, чтоб возвратил его добрыи, конфискованныя» (ГПА: Архив кн. Ф. А. Куракина, 1890, кн. 1: 145) или ЛЗ *кальторация* (нем. *Kält* или *kalten* — ‘холод’, ‘мороз’, ‘холодеть’, ‘остывать’, ‘стынуть’, ‘стыть’): «...при том выезде была великая *кальторация*, как бы начало лихорадки» (ЖК: Архив кн. Ф. А. Куракина, 1890, кн. 1: 271).

Во-вторых, прототип представляет собой не лексему в целом, а конкретный лексико-семантический вариант (ЛСВ). Следовательно, заимствование расценивается как форма существования этого ЛСВ в другой языковой среде.

При этом объектами сравнения уже являются отдельные значения, а не комплексы значений прототипов и заимствований, что дает такому подходу определенные преимущества. Во-первых, очевидно, что анализ лексем разных языков, осуществляемый с первых позиций, основывается на изучении составляющих их ЛСВ. Во-вторых, признание ЛСВ прототипом соответствует «логике» заимствования: заимствуются, как правило, не лексемы, а отдельные значения. Например, ЛЗ *ауторита* (*авторита*) (фр. *autorite* — ‘власть’, ‘органы власти’, ‘авторитет’, ‘престиж’) в языке князя Б. И. Куракина имеет одно значение — ‘власть’: ср.: «И есть один из тех законников, которому дана та *ауторита* от папы, что может над ними (беснующимися) молитвы читать и исцелять от тех болезней, и духов нечистых выгонять» (ДПЗ: Архив кн. Ф. А. Куракина, 1893, кн. 3: 309); «И так имеют *ауториту* (монахи доминиканцы), что и самага папу могут судить...» (там же: 303); ЛЗ *дискрет* (фр. *discret* — ‘сдержанный’, ‘деликатный’, ‘незаметный’, ‘скромный’) у князя Б. И. Ку-

ракина имеет лексическое значение ‘сдержанность’ или/и ‘скромность’: «А как та моя болезнь с начатку началась и умножилась, обо всем здесь покажет описанием моим *дискрету* моему, которые были подаваны господам дохтурам, придаючи им в консиле, с катораго письма видевь о мне и разсуждали, и придали в разсуждении, что болезнь моя — скорбутика...» (ЖК: Архив кн. Ф. А. Куракина, 1890, кн.1: 272).

Второй подход позволяет сопоставить предметно-понятийную соотношенность разноязычных единиц. Обнаруживаются факты совпадения предметно-понятийной отнесенности прототипа и заимствования, сужения, расширения. Например, ЛЗ *инклинация* (фр. *inclination* — ‘склонность’, ‘наклонность’, ‘влечение’, ‘расположение’, ‘пристрастие’, ‘привязанность’, ‘любовь’) в предметно-понятийной отнесенности прототипа и заимствования совпадает: «И тогда жь она, царевна София Алексеевна, по своей особой *инклинации* и амуру, князя Василия Васильевича Голицына назначила дворовым воеводою войски командировать и учинила его первым министром и судьей посольскаго приказу; которой вошел в ту милость чрез амурные интриги» (ГПА: Архив кн. Ф. А. Куракина, 1890, кн. 1: 128); ЛЗ (не) *капабель* (фр. *sarable* — ‘способный’, ‘умелый’, ‘искусный’, ‘знающий’, ‘сведущий’) сужает лексическое значение прототипа в заимствовании до значения ‘способный’: «И в первых взять был ко двору дворянин новгородец, Данило Тимофеевич Долгорукой назывался; мужик старой и набожной и препростой, которой больше не имелъ шуток никаких, токмо вздор говаривал и зла никому не *капабель* былъ сделать» (там же: 122); ЛЗ *конфиденция* (нем. *Confidence, Konfidenz* — ‘признание’, ‘откровенность’, ‘доверительность’) расширяет лексическое значение прототипа в заимствовании, благодаря контексту: «И когда розыски самыя царевны Софьи были, то его величество сам распрашивал ее в присутствии его, князя Ромодановскаго, и кроме его в тех делех никому *конфиденции* не имелъ» (там же: 106); также эффект рас-

ширения лексического значения прототипа наблюдается в употреблении ЛЗ *конфузия* (*конфуция*) (нем. Konfusion, фр. confusion, пол. konfuzja — ‘путаница’, ‘беспорядок’, ‘суматоха’, ‘смещение’, ‘смешение’, ‘неясность’, ‘смущение’, ‘смущенность’, ‘неловкость’, ‘стеснение’, ‘растерянность’, ‘волнение’): «Еще же получили сей недели ведомость, которая произошла от кардина(ла) Desatrimulia, что принципе Рагоца обещал быть в Польшу и принять корону, из чего здесь были в немалом размышлении и *конфузии*» (ДПЗ: Архив кн. Ф. А. Куракина, 1893, кн. 3: 307); «Когда услышали о цесарском войске, в великое сумнение пришли. И в сю нашу бытность *конфуция* началась, и голос по всему Риму был» (там же: 313).

Итак, во-первых, мы рассмотрели ЛЗ как мотивированные языковые единицы; во-вторых, представили лингвистическую характеристику связи заимствование — иноязычный прототип в контексте историко-биографической прозы князя Б. И. Куракина; в-третьих, выявили зависимость прототипа и «логики» заимствования; в-четвертых, сопоставили предметно-понятийную соотнесенность прототипа — заимствования и, таким образом, подтвердили наше предположение о сознательно мотивированных ЛЗ, обладающих ассоциативностью, коннотацией, которая обусловлена ее узуальными связями и ассоциативной сопряженностью с контекстом.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ В журналах: Русский Архив. 1893. № 2; Журнал Министерства Народного просвещения. 1891. № 1; Вестник Европы. 1891. № 9; Русское обозрение. 1892. № 1.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анисимов, Е. В. (1993) Предисловие // Государственные деятели глазами современников. Петр Великий. Париж ; М. ; Нью-Йорк.

Антюхов, А. В. (2003) Русская мемуарно-автобиографическая литература XVIII века (Генезис. Жанрово-видовое многообразие. Поэтика) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Елец.

Архив кн. Ф. А. Куракина. (1890) Кн. 1. СПб.

Архив кн. Ф. А. Куракина. (1893) Кн. 3. СПб.

Бахтин, М. М. (1979) Эстетика словесного творчества. М.

Булаховский, Л. А. (1953) Курс русского литературного языка. Т. 2. Киев.

Виноградов, В. В. (1938) Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. 2-е изд., перераб. и доп. М.

Виноградов, В. В. (1971) О теории художественной речи. М.

Гаспаров, Б. М. (1996) Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.

Ельмслев, Л. (1960) Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. М.

Живов, В. М. (1996) Язык и культура в России XVIII века. М.

Запольская, Н. Н. (2002) Культурно-языковой статус личности и текста в Петровскую эпоху (опыт прогнозирующего анализа) // Славянская языковая и этноязыковая системы в контакте с неславянским окружением. М.

Казкенова, А. К. (2003) Мотивированность заимствованного слова (на материале современного русского языка) // Вопросы языкознания. № 5.

Карцевский, С. И. (2000) Из лингвистического наследия. М.

Лотман, Ю. М. (1973) О двух моделях коммуникации в системе культуры // Учен. зап. Тартусского ун-та. Вып. 308. Тарту.

Склярская, Г. Н. (1993) Метафора в системе языка. СПб.

Хютль-Фольтер, Г. (1987) Языковая ситуация Петровской эпохи и возникновение русского литературного языка нового типа // Wiener Slawistisches Lahrbuch. Wien.

Якобсон, Р. О. (1985) Звук и значение // Избранные работы. М.